

УДК 81.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

САКРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕКСТОБРАЗОВАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пашков С. М.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Волховский филиал*

*187400, Ленинградская обл., г. Волхов, ул. Октябрьская набережная, д. 1а,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть категорию сакральности в качестве текстообразующей на материале английских религиозных текстов.

Процедура и методы. Применяются методы дефиниционного, интерпретативного и лингвостилистического анализа.

Результаты. Основные результаты исследования состоят в обосновании сакральности как текстообразующей категории в религиозной коммуникации. Показана необходимость разведения понятий сакрального и религиозного текстов, а их структурно-смысловое взаимодействие целесообразно рассматривать в контексте понятий интекста и интертекста соответственно. Предложено единое основание для классификации религиозных текстов (гносеологическая контекстуализация сакральности) и проведён лингвистический анализ одной из выделенных групп данных речевых произведений. Операциональной единицей анализа рассматривался интекст. В зависимости от типа сакрального знания, репрезентируемого интекстом, предложена их классификация: сакрально-ономатологические, сакрально-императивные и сакрально-эсхатологические интексты. Описаны механизмы текстообразования в богословском, агиографическом и теологическом текстах.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в развитии теоретических положений деривационной лингвистики в области текста. Практическое применение полученных результатов возможно в учебных курсах по лингвистике текста и теолингвистике.

Ключевые слова: интекст, интертекст, религиозный текст, сакральная плотность, сакральность, сакральный текст, текстообразование

SACREDNESS AS A FACTOR OF TEXT FORMATION IN RELIGIOUS COMMUNICATION

S. Pashkov

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Volkhov branch

Oktyabrskaya naberezhnaya 1a, Volkhov 187403, Leningrad Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate sacredness as a text forming category on the material of English religious texts.

Methodology. The methods of definitive, interpretative and linguo-stylistic analysis have been applied.

Results. The main result of the research is substantiation of sacredness as a text forming category in religious communication. The notions of sacred and religious texts have been differentiated, their structural and meaning interaction being treated within the frame of intext and intertext respectively. Gnoseological contextualization of sacredness has been suggested as a ground for religious texts classification, and linguistic analysis of one of the identified groups has been carried out. The notion of intext has been treated as an instrumental unit in analyzing language material. Given the type of sacred knowledge represented by intexts, their classification has been proposed: sacral-onomatological, sacral-imperative, and sacral-eschatological texts. The ways of text formation in liturgical, hagiographical, and theological texts have been described.

Research implications. The theoretical significance of the paper consists in the development of the derivational linguistics in the context of text studies. The obtained results may be used in teaching text linguistics disciplines as well as theolinguistics.

Keywords: intext, intertext, religious text, sacred density, sacredness, sacred text, text formation

Введение

Религия, искусство, философия и наука, если перефразировать Ю. М. Лотмана, суть четыре «глаза», с помощью которых человек смотрит на мир, познаёт его, оценивает, принимает или отвергает. В разные исторические периоды и в разных социокультурных контекстах данные формы постижения реальности получали различные оценки, значимость некоторых порой полностью отрицалась. Так, в эпоху Просвещения религия подвергается остракизму, а в период классического позитивизма наряду с метафизикой объявляется областью фиктивного знания; наука, в свою очередь, занимает доминирующее положение, формируется культ научной рациональности.

Необходимо помнить, что уникальность религиозной, художественной, философской и научной оптик настолько высока, что дискредитация любой из них неизбежно ведёт человека к серьёзным последствиям. Об этом предостерегал в своё время В. И. Вернадский: «Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. ... все эти стороны человеческой души *необходимы* для ее развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идет научная деятельность» [5, с. 58] (курсив наш. – С. П.).

Современное познание определяется тремя эпистемологическими вехами в развитии европейской мысли: 1) возрастающий интерес к феномену человека, а не мира («антропологический поворот»); 2) акцент на познании языка в связи с сознанием и духовной жизнью человека («лингвистический поворот»); 3) тенденция к интеграции теологического знания в мировоззрение и культуру («теологический поворот») [13, с. 110]. В гуманитарных науках, в частности, в лингвистике отмечается «религиозный поворот», т. е. усиливающееся стремление к лингвистическому изучению непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих основ в жизни человека [10, с. 988, 995].

Всё вышесказанное, а также тот факт, что абсолютное большинство современных филологических исследований сопряжено с текстовой проблематикой [6, с. 89; 16], поднимает целый ряд актуальных вопросов относительно текстов, обслуживающих религиозную сферу, а именно: номенклатура, основания для классификации данных текстов, выявления их функциональной направленности, механизмы текстообразования и др.

Сакральный текст как текстопорождающая монада

Анализ работ, посвящённых исследованию текстов религиозной сферы, свидетельствует о весьма разнообраз-

ной терминологии: сакральное-мистический художественный текст, религиозный текст, сакральный текст, священный текст, духовный текст, текст Священного Писания, сакрализованный текст. Кроме того, довольно часто весьма разнородные речевые произведения получают одинаковую текстотипологическую квалификацию. Так, в литературоведческом словаре термин «священные книги» (Sacred books) определяется следующим образом:

– “literature connected with any specific religion; works of spiritual guidance, rules, hymn books, liturgies, any kind of record made of the utterances of holy men, prophets or sages”¹.

К священным (сакральным) книгам, как видим, предлагается относить достаточно большой массив текстов. Однако разница между Библией и «Исповедью» Августина, которая рассматривается автором словарной статьи в качестве священной книги, всё же достаточно велика.

Очевидно, что многочисленные тексты религиозной сферы того или иного вероисповедования должны иметь некий один Текст, который порождает все прочие. Разумно в связи с этим вспомнить мысль М. М. Бахтина: «Текст как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [3, с. 299]. В иудаизме данной монадой является Танах, в христианстве – Библия, в исламе – Коран. В неавраамических религиях, к сакральным текстам относятся Типитака (буддизм), Бхагавадгита (индуизм), Авеста (зороастризм) и т. д. Представляется оправданным квалифицировать сакральными только эти тексты, поскольку они уникальны, культурогенны и лежат в основе соответствующих религиозных цивилизаций (исламской, буддийской христианской и пр.). Разумеется, степень культурогенности сакральных текстов вариативна, что подтверждается, в частности, фактом существования мировых религий.

В науке довольно часто встречаются возражения следующего характера: не существует текста, признаваемого всеми в качестве сакрального, а значит невозможно сформулировать дефиницию сакрального текста [7, с. 13]. Эти возражения преодолеваются, если сакральность рассматривается в качестве содержательной категории сакральных текстов, имеющей план содержания и план выражения. Кроме того, необходимо разводить понятия сакрального и фидеогенного текстов. Сакральный текст необязательно меняет мировоззрение адресата, его функциональная направленность – осознание адресатом репрезентированного в нём сакрального знания. Если же определённый сакральный текст меняет веру у адресата, или он принимает его учение, то для него данный текст является фидеогенным (от лат. *fides* – вера). В логике данного рассуждения обосновываются понятия психологического и эмотивного текстов. В первом случае текстообразующей основой выступает психологизм [14], во втором – эмотивность [13]. Читатель может над «вымыслом слезами не обливаться», однако данные тексты сохраняют свою текстотипологическую отнесённость.

Исходя из предложенного понимания сакральности, сакральный текст определяется как система вербальных знаков, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, имеющая письменную фиксацию и репрезентирующая сакральное знание в рамках определённой конфессии [11, с. 170]. Сакральное знание, или сакральность, таким образом, рассматривается в качестве текстообразующей основы сакральных речевых произведений [9].

Все остальные речевые произведения, в основе которых лежит сакральный текст, являются *религиозными текстами*. Их целесообразно классифицировать в зависимости от типа гносеологической контекстуализации сакрального текста. Под последней понимается инкорпо-

¹ См.: Cuddon J. A. Dictionary of Literary Terms and Literary theory. London: Penguin Books, 1998. P. 776.

рирование сакрального текста или его фрагмента в контекст той или иной формы постижения реальности, осуществляемой посредством естественного языка: религии, философии, искусства и науки. При данном подходе к классификации религиозных речевых произведений важно подчеркнуть следующее: *не каждое включение сакрального текста в речемыслительную деятельность автора ведёт к образованию религиозных текстов. Их продуцирование осуществляется только тогда, когда инкорпорация сакрального текста определяющим образом влияет на содержательно-концептуальную информативность текста, иными словами, формирует его концептуальность* (ср. оду Г. Р. Державина «Бог».).

В настоящей работе операциональной единицей анализа деривационных отношений между сакральным и религиозным текстами рассматривается интекст – текстовое включение различной протяжённости – на уровне слова, словосочетания и текста (цитаты, аллюзии и пр.) [2, с. 415]. Включение интекста в иное текстовое целое ведёт к образованию определённого интертекста. Следовательно, религиозная коммуникация, осуществляемая посредством текстуально организованной информации, представляет собой совокупность религиозных интертекстов.

Сакральное знание представляет собой трёхкомпонентную структуру (знание о Боге, знание об отношении Бога к человеку, знание о посмертной участи человека), следовательно, интексты могут быть трёх видов: сакрально-ономастологические, сакрально-императивные и сакрально-эсхатологические. Первые репрезентируют Имена Бога (греч. ὄνομα – имя), вторые – заповеди, третьи (греч. ἔσχατος – последний) – посмертную участь человека. Данные интексты вступают в различные диалогические (смысловые) отношения с религиозными текстами. Разумеется, границы между обозначенными видами интекстов в религиозных речевых произведениях не

следует абсолютизировать, поскольку они могут взаимодействовать. Это взаимодействие объясняется, в частности, онтологическими отношениями Имени Бога и Его заповеди: заповедь часто отражает Того, Кто даёт её («Ибо Я – Господь, Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11: 44)).

В логике сказанного представляется возможным выделить четыре группы религиозных текстов:

- собственно религиозные;
- религиозно-философские;
- религиозно-художественные;
- религиозно-научные.

Собственно религиозные тексты – речевые произведения, функционирующие в сфере религиозного дискурса (богослужebные, теологические, агиографические, гомилетические и др.). Религиозно-философские и религиозно-художественные тексты относятся к области философского (религиозная философия) и художественного (религиозное искусство) дискурсов соответственно. Основанием для выделения религиозно-научных текстов служит тот факт, что в настоящее время отмечается становление теoантропокoсmической парадигмы постижения лингвистической реальности, в основании которой лежит идеал цельного знания. В рамках данной парадигмы формируется синтетическая дисциплина – теoлингвистика, изучающая взаимосвязи языка и религии. Следует, однако, иметь в виду, что не всякое теoлингвистическое исследование ведёт к образованию религиозно-научных текстов. Отмечается теоретическая возможность построения многих вариантов теoлингвистики, которые будут иметь различный эпистемологический статус. О религиозно-научных текстах правомерно вести речь в том случае, если теoлингвистический подход учитывает принцип онтологизма, т. е. представление о сущностной (бытийной) связи между языком и реальностью. В этом случае в религиозно-научных текстах, например, христианских,

осмысляется следующая проблематика: сотворение мира словом, райский язык, глоссолалия, литургический язык, священнобезмолвие и др. [12, с. 35, 192, 203]. Разумеется, конвенциональная связь между языком и реальностью не отвергается при данном теолингвистическом подходе. Речь идёт о дополнении принципа конвенционализма принципом онтологизма при осмыслении разнообразной лингвистической реальности. О важности принципа дополнительности напоминает В. И. Карасик: «... я не согласен с одномерной моделью как языка, так и сознания. Общенаучный принцип дополнительности Н. Бора требует от исследователя увеличивать аспекты рассмотрения научного объекта» [8, с. 15].

Поскольку в рамках статьи невозможно представить анализ всех групп религиозных текстов, ограничимся лишь собственно-религиозными речевыми произведениями, а именно богослужебными, агиографическими и теологическими.

Собственно религиозные тексты

Богослужебные тексты

Функционирование сакрального текста в религиозной сфере наиболее органично и обуславливает создание собственно религиозных речевых произведений, в частности, богослужебных текстов.

«Богослужение, – пишет А. Шмеман, – есть соборная молитва, кафолическое священнодействие Церкви, в котором она *едиными устами и единым сердцем* исповедует свою веру, приносит молитву, ходатайствует, благодарит и славословит Бога» [15, с. 174] (курсив наш. – С. П.). Совершается богослужение по уставу, т. е. по определённым правилам и установленному порядку. Исходя из данного понимания богослужения, возможно следующим образом определить функциональную направленность богослужебных текстов: фиксация правильной соборной молитвы и правильного совершения свя-

щеннодействий. Данный тезис подтверждается тем, что в богослужебных текстах отсутствуют языковые единицы (речения), репрезентирующие теологумы, т. е. богословские мнения по тем или иным вопросам религии, не являющиеся обязательными для всех последователей определённого религиозного учения (ср. идеи апокатастасиса (Григорий Нисский), имяславия (С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев)).

Регуляция богослужения в анализируемых текстах реализуется посредством языковых единиц с модальным значением (*ought to, shall, be (not) to*), а также лексем с темпоральной семантикой (*now, during, thereafter, then, when, while, after, meanwhile, until*), репрезентирующих последовательность богослужебных действий и речений участников службы (священника, диакона, певчих, прихожан). С большой степенью вероятности можно утверждать, что модальные и темпоральные языковые репрезентанты регуляции носят универсальный характер, поскольку они являются воплощением фундаментальных понятийных категорий должностования и темпоральности [4, с. 79].

“During the singing of the Alleluia the Deacon shall take the censer with the incense, and approaching the Priest shall receive his blessing. And shall thereafter cense the holy altar round about, and all the sanctuary, and the Priest. Now the Priest standing before the holy table shall say this prayer”¹.

В приведённом фрагменте описываются детальные указания (что делать и какую молитву произносить) диакону и священнику перед чтением Евангелия.

Сакральная плотность богослужебного текста, т. е. степень включённости сакрального текста в его глубинно-смысловую и поверхностно-формальную структуры, максимальна. Этот факт, видимо, объясняет то, что иногда богослужебный текст рассматривается в качестве сакрального.

¹ См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. Great Britain: Oxford University Press, 1982. P. 47–48. Далее – Buckley E. The Orthodox liturgy.

Ведущим механизмом текстообразования здесь выступает парафраза и цитирование, причём последнее имеет ряд особенностей. Во-первых, цитата в богослужебном тексте, в отличие от научного, порождает всегда однозначные диалогические (смысловые) отношения – благоговейное согласие. Уместно обратиться к идеям М. М. Бахтина о том, что формы диалогизма весьма вариативны – от грубых (спор, полемика, пародия) до рафинированных (доверие к чужому слову, благоговейное приятие авторитетного слова, множественные градации согласия) [3, с. 317]. Во-вторых, цитирование не сопровождается интерпретацией «чужого голоса». В-третьих, как правило, цитаты не имеют формальных маркеров (кавычек), поскольку сакральные интексты характеризуются высшей степенью прецедентности (узнаваемости).

Обратимся к литургии Иоанна Златоуста, в которой насчитывается более 150 ссылок на сакральный текст. В данном богослужебном тексте репрезентировано множество Имён Бога, среди которых: *Master, Father, Son, the Holy Ghost, the Lord, God, Sovereign Lord, Merciful, Word of God, Immortal, Son of God, the Holy Spirit, Holy, Strong, Almighty Lord, THOU ART, Saviour Jesus Christ, Dread God, Heavenly God, Light.*

“*O Holy God, Holy and Strong, Holy and Immortal, have mercy upon us*”¹.

“*Holy, holy, holy is the Lord of Sabaoth: heaven and earth are full of thy glory. Hosanna in the highest. Blessed is he that cometh in the name of the Lord; Hosanna in the highest*”².

Приведённые сакрально-ономатологические интексты состоят из незначительно изменённых цитат Ветхого и Нового Заветов и содержат выраженные эксплицитно и перифрастически восемь Имён Бога: Крепкий (*Strong*), Бессмертный (*Immortal*), Святой Бог (*Holy God*), Святой (*Holy*), Господь Саваоф (*the Lord of Sabaoth*), Господь (*the Lord*), Славный

(*heaven and earth are full of thy glory*), Спаситель (*Hosanna in the highest*). Имена Творца, репрезентируемые приведёнными языковыми единицами, не подвергаются интерпретационному анализу автора; не является их функциональной направленностью и увеличение эстетической / информативной насыщенности текста, которая изучается в контексте традиционных интертекстуальных концепций на материале художественной литературы [2, с. 416]. Их включение в речемыслительную деятельность автора – механизм текстообразования, а именно механизм порождения богослужебного текста, фиксирующего молитвенное общение творения с Творцом.

Агиографический текст

Агиографический текст (житийный текст) определяется как текст, повествующий о жизни святого человека. В связи с этим нелишне отметить необходимость различения святости Бога и святости персонажа жития. В первом случае святость является онтологической, первичной, во втором – реляционной, вторичной: человек освящается, становится святым посредством соблюдения заповедей. Именно поэтому агиографические тексты характеризуются высокой сакрально-императивной плотностью (превалирование сакрально-императивных интекстов).

Описание благочестивых деяний святого в определённых пространственно-временных координатах, иллюстрирующих исполнение определённой заповеди, иными словами, нарративность – суть текстообразующий механизм агиографических речевых произведений. В науке нарративность понимается как «специфическая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история ...» [1, с. 43].

«*If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven*”.

¹ См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. P. 46.

² См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. P. 72–73.

... Antony immediately left the church and gave to the townspeople the property he had from his forebears – three hundred arurae, very fertile and beautiful to see. He did not want it to encumber him self or his sister in any way whatever. He sold all the rest, the chattels they had, and gave the tidy sum he received to the poor, keeping back only a little for his sister»¹.

Включение заповеди из Нового Завета (*If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven*), абсолютизирующей примат духовности над материальностью, поясняет читателю последующее поведение Антония Великого и свидетельствует о том, что его жизнь соответствует духу Евангелия.

Святость человека, и, следовательно, должное исполнение заповедей, часто проявляется в его способности к чудотворству.

“There was, for example, a man named Fronto, hailing from Palatium. He had a dreadful disease, for he was continually biting his tongue, and his eyesight was failing. He came to the mountain and asked Antony to pray for him. The latter prayed and then said to Fronto: “Go, and you will be cured”. ... He was well according to the instructions of Antony which he had learned from the Savior in prayer”².

В приведённом фрагменте описывается исцеление больного. Важно отметить, что чудо в агиографических текстах – не порождение волшебства как способности персонажа совершать ирреальные действия, что является дистинктивной характеристикой волшебной сказки [7, с. 14]. В житии чудо совершается Богом по молитве святого человека, т. е. с упоминанием Имени Творца (*He was well according to the instructions of Antony which he had learned from the Savior in prayer*).

Теологические тексты

Теология понимается как система обоснования религиозных учений о Боге, человеке и церкви³. Причём, если в религиозной философии данное обоснование осуществляется в системе понятий без непосредственного обращения к авторитету, то теология базируется на вере и апеллирует в первую очередь к сакральному тексту как авторитету⁴. Таким образом, функциональная направленность теологического текста – обоснование сакрального знания в контексте теологической рефлексии. Разумеется, о «чистоте» данной рефлексии говорить невозможно, лишь о её превалировании, поскольку известно, насколько сильно повлиял неоплатонизм на богословскую мысль первых веков христианства.

Рассмотрим сакрально-эсхатологический интекст в теологическом тексте Иоанна Дамаскина “*On the resurrection*”.

“Furthermore, we also believe in the resurrection of the dead, for there really will be one, there will be a resurrection of the dead. Now, when we say resurrection, we mean a resurrection of bodies. For resurrection is a raising up again of one who has fallen. But, since souls are immortal, how shall they rise again? Well if death is defined as a separation of soul from body, the resurrection is the perfect rejoining of soul and body, and the raising up again of the dissolved and fallen animal. Therefore, the very body which is corrupted and dissolved will itself rise up incorruptible. For He who formed it in the beginning from the slime of the earth is not incapable of raising it up again after it has again been dissolved and returned to the earth whence it was taken by the decision of its Creator.

... Moreover, sacred Scripture, too, testifies to the fact that there will be a resurrection of the body”⁵.

¹ См.: St. Athanasius. The Life of Saint Antony / translated by Robert T. Meyer. New York: Newman press, 1978. P. 19–20. Далее – St. Athanasius. The Life of Saint Antony.

² St. Athanasius. The Life of Saint Antony. P. 69.

³ См.: Религиоведение: словарь / отв. ред. Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2007. С. 499.

⁴ Там же. С. 408.

⁵ Saint John of Damascus: Writings. A New translation by Frederic H. Chase, Jr., vol. 37, New York: Fathers of the Church, 1958. P. 401–402.

Согласно сакрально-эсхатологическому знанию библейского текста, после смерти человек воскреснет нетленным телом (*a resurrection of bodies, incorruptible*), которое соединится с бессмертной душой (*the resurrection is the perfect rejoining of soul and body*). Логическое рассуждение, обосновывающее данный догмат, репрезентируется союзами (*for, since, but*), наречиями (*therefore, furthermore, moreover*), вопросительным предложением (*how shall they rise again?*). В конечном итоге, обоснование эсхатологического учения строится на апелляции к авторитету – сакральному тексту (... *sacred Scripture, too, testifies to the fact that there will be a resurrection of the body*). Если наука не имеет данных о воскресении человека, то для Иоанна Дамаскина при обосновании данного догмата достаточно упоминания Имени Бога (*Creator*), для Которого нет ничего невозможного. Таким образом, ведущим механизмом текстообразования в теологических текстах является интерпретация сакрального знания, сопровождаемая обязательной ссылкой на авторитет.

Заключение

Сакральность, изначально являясь текстообразующей категорией сакральных текстов, впоследствии становится фактором текстообразования в гносеологически гетерогенной коммуникации. Религиозная контекстуализация сакральности, т. е. включение сакрального текста в религиозные дискурсивные практики, ведёт к образованию собственно религиозных текстов. Предложенная классификация сакральных интекстов (сакрально-ономатологические, сакрально-императивные, сакрально-эсхатологические) позволяет системно описать деривационные отношения между сакральным и религиозным текстами. Проведённый анализ богослужебного, агиографического и теологического текстов даёт основание утверждать о вариативности сакральной плотности и языковых механизмах тексто- и смыслопорождения.

Дата поступления в редакцию 04.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань: Бук, 2019. 320 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 448 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 173 с.
5. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. 334 с.
6. Гончарова Е. А. Текстовые категории и стиль // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 89–97.
7. Гриненко Г. В. Логико-семиотический анализ сакральных текстов и сакральной коммуникации : автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 2000. 37 с.
8. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
9. Клейменова В. Ю. Языковые формы репрезентации реальности и вымысла в английской волшебной литературной сказке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2015. 42 с.
10. Найденова Н. С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 988–1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
11. Пашков С. М. Языковые средства репрезентации категории сакральности (на материале англоязычного текста Библии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 168–174. DOI: 10.30853/phil201032.
12. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
13. Постовалова В. И. Человек как микротеос в православном мирозерцании и пути его восхождения к обожению (опыт концептуального осмысления) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 4(4). С. 110–127.

14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.
16. Щирова И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. 210 с.

REFERENCES

1. Andreyeva V. A. *Literaturnyy narrativ: zona formirovaniya smyslov* [Literary narrative: the zone of meaning formation]. Kazan, Buk Publ., 2019. 320 p.
2. Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2010. 448 p.
3. Bakhtin M. M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Bondarko A. V. *Grammaticheskoye znacheniyе i smysl* [Grammatical meaning and denotation]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 173 p.
5. Vernadskiy V. I. *Trudy po vseobshchey istorii nauki* [Proceedings on the general history of science]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 334 p.
6. Goncharova E. A. [Text categories and style]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2019, no. 194, pp. 89–97.
7. Grinenko G. V. *Logiko-semioticheskiy analiz sakral'nykh tekstov i sakral'noy kommunikatsii : avtoref. dis. ... dokt. filosof. nauk* [Logical-semiotic analysis of sacred texts and sacred communication: abstract of D. thesis in Philosophical Sciences]. Moscow, 2000. 37 p.
8. Karasik V. I. *Yazykovyye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
9. Kleyменова V. Yu. *Yazykovyye formy reprezentatsii real'nosti i vymysla v angliyskoy volshebnoy literaturnoy skazke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Language forms of representation of reality and fiction in the English magical literary tale: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 42 p.
10. Naydenova N. S. [Modern linguistics through post-secular perspective]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, vol. 22. no. 4, pp. 988–1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
11. Pashkov S. M. [Linguistic means to represent the category of sacredness (by the material of the English Bible translation)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 168–174. DOI: 10.30853/phil201032.
12. Postovalova V. I. *Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya: V poiskakh integral'nykh paradigm* [The science of language in the light of the ideal of integral knowledge: In search of integral paradigms]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 272 p.
13. Postovalova V. I. [Human being as a microtheos in orthodox Christian worldview and the ways of human movement towards theosis]. In: *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznaniiye* [Tula scientific bulletin. History. Linguistics]. 2020. № 4(4). S. 110–127.
14. Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.
15. Shmeman A., archpriest. *Sobraniye statey. 1947–1983* [Collection of articles. 1947–1983]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2009. 896 p.
16. Shchirova I. A. *Khudozhestvennoye modelirovaniye kognitivnykh protsessov v angloyazychnoy psikhologicheskoy proze XX veka* [Artistic modeling of cognitive processes in English psychological prose of the XX century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2000. 210 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашков Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Волховский филиал);
e-mail: s.p.n1980@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey M. Pashkov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Education and Educational Technologies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Volkhov branch;
e-mail: s.p.n1980@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пашков С. М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 90–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

FOR CITATION

Pashkov S. M. Sacredness as a factor of text formation in religious communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 90–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99